

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.22

doi: 10.18101/1994-0866-2017-6-194-200

ЭПОС И ШАМАНСКОЕ ПРИЗЫВАНИЕ: НЕКОТОРЫЕ АНАЛОГИИ

© *Дугаров Баир Сономович*

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: khairkhan@mail.ru

Рассматривается малоизученный аспект взаимосвязи эпоса с шаманскими ритуальными текстами. Автор в своем исследовании опирается на бурятский материал и приводит ряд примеров, подтверждающих правомерность подобной постановки вопроса. Особое внимание уделяется анализу жанровой характеристики шаманского призывания, имеющего определенное сходство с архитектурой эпоса «Гэсэр», прежде всего с его небесным прологом. Сравнение композиционного строения призывания и эпоса «Гэсэр» позволяет судить о соответствиях во всех их элементах, что обусловлено спецификой назначения культового и эпического произведений. Приводятся биографические данные и особенности творчества выдающегося бурятского улигершина М. Имегенова, подтверждающие глубинную связь бурятского сказительства с сакральной традицией. О знании знаменитым улигершином константных элементов шаманских нарративов свидетельствует использование им некоторых формульных выражений, определяющих стилистическое своеобразие сакрального текста.

Ключевые слова: эпос «Гэсэр»; небесный пролог; небесные божества; культовые песнопения; шаманизм; призывание; сказитель М. Имегенов.

Отличительной чертой бурятской Гэсэриады является широкая представленность тэнгристских божеств, определяющих сюжетику эпического действия, в котором герой являлся посланцем небесных богов и исполнителем их воли в своей земной миссии. Поэтому в среде самих улигершинов особенно ценились те, кто знал доподлинно тэнгристскую мифологию, генеалогию шаманистских божеств и связанные с ними священные тексты.

Действительно, сам эпос в соответствии с мифологической «специализацией» героя, тесно связанного с пантеоном небесных божеств, можно рассматривать как своего рода развернутое шаманское призывание [5, с. 76]. Эта мысль о культовом характере исполнения «Гэсэра» наводит на семантико-функциональную параллель между эпосом и шаманским призыванием как таковым. Правомерность подобной постановки вопроса подтверждается мнением Б. Н. Путилова, высказанным им относительно связей феномена сказительства с шаманством, эпоса — с шаманскими ритуальными текстами, а исполнения эпоса — с шаманским камланием [8, с. 58]. Соответствующие соображения мы находим и у бурятских ученых Ц. Ж. Жамцарано и Г. Д. Санжеева.

В связи с этим уместно обратить внимание на жанровую характеристику шаманского призывания. Из всех видов шаманского фольклора призывания отличаются сравнительно большими размерами — до нескольких сотен стихотворных строк. В большинстве случаев они состоят из трех частей: зачина, эпической части и просьбы, завершающейся традиционным восклицанием «Соок!». В первой из них обычно называется местность, где происходит шаманское молебствие, дается ее красочное описание. Вторая часть — эпическая — считается главной и самой большой по объему. В ней призываются небесные божества и их сыновья — хаты, а также мифологические персонажи более низкого ранга. Значительное место отводится воспеванию жизни и деятельности призываемых богов и духов. В заключительной части призывания указывается характер жертвоприношения и содержание просьбы устроителя молебствия [4, с. 7].

При сравнении композиционного строения призывания становится очевидным его сходство с архитектурой эпоса «Гэсэр», а именно с небесным прологом. Все три структурных элемента призывания имеют соответствия в начальной части Гэсэриады, но в несколько иной последовательности, обусловленной спецификой назначения культового и эпического произведений. Так, зачину в шаманском призывании соответствует традиционный космогонический зачин в самом начале эпоса, относимый к мифическому времени — эпохе первотворения. Просьба или мольба в призывании соотносится с «апелляцией» шаманки, взывающей к богам об оказании помощи человеческому роду. Наконец, эпическая часть призывания представляет параллель небесному прологу, содержащему описание мира небожителей. Аналогия проявляется и в том, что непосредственными исполнителями воли верховных богов в шаманском призывании выступают их сыновья — хаты (Буханойон, Хан Шаргай-нойон и др.). Тождественную миссию в эпосе осуществляют Гэсэр и его баторы — все сыновья тэнгриев.

Выразительные совпадения семантико-функциональной и композиционной характеристик шаманского призывания и небесного пролога дают повод для размышлений о генезисе последнего и его несомненной связи с сакральной традицией. На существование в вербальном репертуаре шаманов культовых текстов, которые по характеру своему приближаются к жанру эпоса или даже могут быть отнесены к нему, обратил внимание Б. Н. Путилов. При этом им высказано сожаление, что пока никто из специалистов не подверг тщательному сравнительному анализу шаманские нарративы и эпические сказания, принадлежащие одной и той же этнической культуре [8, с. 59].

Безусловно, исследование эпоса, в том числе пролога как важнейшей мифологической части Гэсэриады, особенно в плане генезиса и отражения в нем древних религиозных представлений и обрядов, представляет несомненный интерес. Так же как и изучение шаманского фольклора и роли шаманов в мифотворческом процессе и исполнении эпических произведений проливает свет на некоторые нерешенные вопросы эпосоведения. В качестве предварительного замечания следует отметить следы некоторого влияния Гэсэриады в культовых песнопениях. Например, в записанном

М. Н. Хангаловым шаманском тексте «Огторгойн хуурай» Гэсэр представляется божеством (*Гэгээн ехэ бурхан / Гэсэр ехэ Богдо* ‘Великий светлый бурхан / Великий Гэсэр Богдо’) и культурным героем, творцом обычаев и обрядов [10, с. 129]. Также имя эпического героя встречается в «Призывании шаманки Танайхан» (*Танайхан удаганай дурдалга*) [9, с. 222].

Примечательно, что прародительница эпических богов Манзан Гурмэ, фигурирующая только лишь в эпосе «Гэсэр», упоминается в шаманском нарративе «Улейские многочисленные заяны» (*Үлээгэй олон заянууд*) [9, с. 103]. В качестве персонажей низшей мифологии выступают Три шарайских (шараблинских) хана в призывании к сорока четырем восточным небожителям, записанном у шамана Аадага Губжанова. Будучи порождением Атай Улана, они заполнили «тучами и туманами земной простор», сея болезни и напасти. Интересно упоминание об их битве с Гэсэром, представляющей отзвук небесной теомахии [2, № 247/352]. Следует сказать о культовом мифе, повествующем о шаманке, совершающей обряд *сасали* в эпосе «Гэсэр». По мнению бурят, происхождение подобного обряда восходит к эпическому времени и заимствовано из эпоса [8, с. 246]. Данный факт, приведенный бурятским ученым, любопытен тем, что он свидетельствует о влиянии Гэсэриады как моделирующего фактора на традиционную культуру.

В свою очередь, нельзя не отметить определенное влияние поэтики шаманских текстов на некоторые эпические произведения. Это, например, отчетливо проявляется в использовании слова-связки *бэлэй*, выражающей при глагольном сказуемом прошедшее время. В призываниях данное слово является формульным элементом стихотворной речи, характеризующимся постоянным повтором, усиливающим экспрессивное воздействие сакральной рецитации. Например, в инвокации, обращенной к тэнгри — покровителю шаманского рода хордут, слово *бэлэй*, переводимое ‘было, так было, было ведь’ в зависимости от контекста, имеет «космогонический» акцент, подчеркивающий мифологичность ситуации и самого персонажа.

Харын хурдад удхамни
Хурдад хүнэй удха бэлэй,
Нүхэ ноён тэнгэри бэлэй,
Нүн сагаан буудал бэлэй,
Тайга газар буудал бэлэй,
Тала газар буудал бэлэй...

Черных хордутов корень (удха) мой —
Хордутского рода происхождения было,
Сухэ нойон тэнгри был,
Молочно-белая молния была,
Тайгу осенившая молния была,
Степь осенившая молния была...

[9, с. 78]

Приведем для сравнения начало пролога в эпосе «Гэсэр Богдойн ном харгуйн» (Священный путь Гэсэра Богдо), записанном Т. К. Алексеевой от осинского сказителя-шамана М. Шобонова. Данный текст своей стилистической структурой рельефно подчеркивает типологическое тождество шаманского призывания к божествам с их описанием в «экспозиции» небесного пролога.

Туунһээн захалабаб.
Тиибэл барууни табин табан тэнгэри бэлэй,
Ахалая тэнгриин Хан Ширмас баабай бэлэй,
Хатан эхэн Манзан Гүрмэл төөдэй бэлэй,
Зууни дошон дорбон тэнгри бэлэй,
Ахалаха тэнгриин Агтай Улаан тэнгри бэлэй,
Тууни хоорондо баян үнэр Сэгээн Сэбдэг тэнгри бэлэй...

С этого начинаю.
Итак, западных пятьдесят пять тэнгриев было,
Старшим тэнгрием Хан Ширмас отец был,
Царица-матушка Манзан Гурмэл туодэй была,
Восточных сорок четыре тэнгриев было,
Предводительствующим тэнгри Агтай Улан тэнгри был,
Посреди них богатый Сэгээн Сэбдэг тэнгри был...

[1, № 1529, с. 1–2]

В прологе улигера «Буху Хара хубун» сказитель М. Имегенов использует сходную форму в описании соответствующих небесных божеств:

Табин табан тэнгэриин
Тэгхэн дунда
түрэлдэнэ бэлэй-л-даа.
Заряа сагаан тэнгэри
Заяабари болон
түрэлдэнэ бэлэй-лэ.
Одоной-лэ бэлэй —
Баруунай-ло табин табан
тэнгэри-лэ
Мэшэн дээрээ сугалана
бэлэй-даа —
Мэрэгэн сугалаа
сугалана бэлэй,
Хара дээрээ
сугалана бэлэй —
Найхан сугалаа сугалана
бэлэй.

У пятидесяти пяти тэнгриев
В самой середине родился —
так было ведь.
Заряа Белый тэнгри
По предопределению родился —
так было, да.
По предназначению же так было —
Западные пятьдесят пять
тэнгриев
На Плеядах собирались —
так было ведь,
Мудрое собрание
проводили — было.
На Луне собирались — было,
Прекрасное собрание
проводили — было.

[3, с. 5]

Отметим, что слово *бэлэй* употребляется на протяжении всего улигерного текста, придавая особый обертон эпическому повествованию. Особенно это относится к выражению *одоной-лэ (ло) бэлэй*, частота употребления которого достигает 63 раз. Оно звучит сквозным рефреном в эпическом нарративе, насчитывающем 4940 стихов, от пролога до эпилога, завершающегося свадебным торжеством героя. Само слово *одоной* (от *одон* ‘звезда’, что означает в переносном смысле ‘судьба, счастье’, например, бурятское *одо заяан* ‘судьба’) имеет сакральный оттенок. Не случайно *одоной-лэ бэлэй* в тексте М. Имегенова используется в начале наиболее важных в композиционном отношении фрагментов улигера, а также в эпизодах, описывающих

обряд поклонения героя Заян Сагану, Эсэгэ Малану, Хухэдэй Мэргэну и другим тэнгриам-покровителям [3, с. 89, 101, 118].

Пример мастерского творческого использования М. Имегеновым формульного слова *бэлэй* свидетельствует о безусловном знании знаменитым улигершином шаманских нарративов, в которых *бэлэй* является одним из константных элементов, определяющих стилистическое своеобразие сакрального текста. Во многих исследованиях, посвященных жизни и творчеству М. Имегенова, говорится о нем как о потомственном сказителе, ярком выразителе эхирит-булагатской эпической традиции, которого по праву называют «Гомером бурятского героического эпоса». К сожалению, пока нет исследований о связи поэтики М. Имегенова с шаманским наследием, которое находило органичное отражение в эхирит-булагатском эпосе. Это подтверждается работой Н. Н. Поппе, который рассматривает взаимосвязь эпоса и шаманизма, опираясь во многом на улигеры М. Имегенова — «Абай Гэсэр-хубун», «Ошор Богдо», «Хурин Алтай», «Еренсей», «Буху Хара хубун» [7, с. 277–291, 295].

Мне довелось трижды побывать в селе Кукунут — на родине М. Имегенова, жители в память о своем выдающемся земляке почтительно называют его «Маншуудай нютаг» (Селение Маншута) [11, с. 19]. В последний раз это было в октябре 2000 г. во время международной экспедиции по следам Дж. Куртина в связи со столетием его поездки к усть-ордынским бурятам, совершенной американским ученым в 1900 г. Во время беседы с Галиной Хартуевной Айхаевой (Хабадаевой), дочерью племянника М. Имегенова, и при посещении его родового утука Загай удалось выяснить ряд любопытных подробностей, дополняющих представление о сказителе. У родственников улигершина хранится старая, потрепанная от частого использования тетрадь, именуемая *Арсц хаяха тетрадь*, в которой собраны культовые призывания местным божествам и духам. Каждую весну с появлением майской зелени и осенью, по окончании сезона полевых работ, родственники М. Имегенова совершают на его утуке обряд поклонения духам-хранителям местности.

Уместно напомнить, что в с. Кукунут сохранились многие старые традиции, есть несколько шаманов, совершающих соответствующие религиозные обряды... Сам М. Имегенов не принадлежал к шаманскому роду, но, по воспоминаниям его потомков, также хорошо знал призывания («Иначе как он мог бы рассказывать о тэнгриях и бурханах в своих улигерах») и исполнял некоторые родовые обряды. О его феноменальных сказительских способностях Г. Х. Айхаева выразилась следующим образом: «*Саанаһаа хэлуулдэг байгаа*» ‘Свыше ему наговаривалось’. То же самое говорят о шаманах во время камлания. Согласно семейному преданию, в час кончины М. Имегенова на его теле выступили письмена (*бэедэнь бэшиг гараад байгаа*) Как видим, мифолого-магический комплекс, распространяемый на личность сказителя в сибирско-центральноазиатской традиции, касается и М. Имегенова, что соответствует его высокому избранничеству.

Чем архаичнее культура, тем органичнее выступает слитность жреца, шамана и сказителя. В традиции народов Сибири и Крайнего Севера, а также Центральной Азии зафиксировано немало фактов, указывающих на

сходство в исполнительском творчестве шамана и эпического певца. Более того, изучение эпоса и шаманизма подтверждает взгляд, согласно которому между сказителем и шаманом существовала первоначальная связь, в одном лице совмещались две профессии [4, с. 91]. Данное обстоятельство свидетельствует об особенностях бурятского эпического сказительства, связанного, прежде всего, с исполнением эпоса «Гэсэр», носившим в прежние времена, несомненно, культовый характер. В целом эта интересная тема, еще недостаточно изученная, требует дальнейшего углубленного исследования.

Литература

1. Архив Института востоковедения, СПб. Монгольский ф., Е 289 (коллекция 1955 г., 10), № 1529. Гэһэр Богдойн ном харгуйн (записано Т. К. Алексеевой со слов Морхоной Алсагаровича Шобонова, сказителя-шамана, 72 года, улус Онгой-Кутанка Иркутской области, 1946 г.).
2. ЦВРиК ИМБиТ СО РАН, ф. Балдаева С. П. Шаманство. № 247/352. Сорок четыре восточных небожителя (записано С. П. Балдаевым от шамана Аадага Губжанова, эрхэдэева рода, 65 л., с. Матаган Осинского района Иркутской области, 1906 г.).
3. Буху хара хубүүн: Ульгэрнууд. Улаан-Удэ, 1972. 289 н.
4. Михайлов Т. М. Опыт классификации шаманского фольклора бурят // VIII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Токио, сент. 1968 г.). М., 1968.
5. Михайлов Т. М. Шаманизм и эпос // Эпическое творчество народов Сибири: тез. докл. науч. конф. Улан-Удэ, 1973. С. 3–10.
6. Неклюдов С. Ю. Закономерности стадияльной эволюции эпоса Центральной Азии и Южной Сибири // *Mongolica*: Памяти Б. Я. Владимирцова. М., 1986. С. 66–79.
7. Поппе Н. Н. Бурят-монгольский героический эпос. М.; Л., 1941 // ЦВРиК ИМБиТ СО РАН. Ф. Поппе Н. Н. Фольклор. № 545.
8. Путилов Б. Н. Эпическое сказительство. Типология и этническая специфика М.: Вост. лит., 1977. 234 с.
9. Хангалов М. Н. Собр. соч.: в 3 т. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958–1961. Т. 2. 1959. 444 с.
10. Хүхэ Мүнхэ тэнгэри: сб. шаманских призываний. Улан-Удэ: Респ. тип., 1996. 272 н.
11. Шерхунаев Р. А. Маншут Имегеев, певец Гэсэра: очерк жизни и деятельности. Иркутск, 1993. 48 с.

EPIC AND SHAMANIC CALLING: SOME ANALOGIES

Bair S. Dugarov

Dr. Sci. (Philol.), Leading Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS,
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

The article deals with the relatively unexplored aspect of epic and shamanic ritual texts correlation. In our research we rely on the Buryat material and give a number of examples confirming the legitimacy of such statement. Particular attention is paid to the analysis of the genre characteristics of shamanic calling, which has a certain

similarity with the architectonics of Epic of King Gesar – primarily with its heavenly prologue. Comparison of the compositional structure of the calling and the epic allows us to find out the conformity in all their elements, which is conditioned by the specificity of the purpose of the cult and epic works. In conclusion, the biographical details and special features of the work of the outstanding Buryat uliger master M. Imegenov are presented, which testify to the deep connection of the Buryat narrative with the sacred tradition.

Keywords: Epic of King Gesar; the heavenly prologue; cult chants; shamanism; the narrator M. Imegenov.